

**МАРИЯ ВИКТОРОВНА БРАТОЛЮБОВА**

*доцент кафедры отечественной истории исторического факультета  
Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)  
E-mail: bratolyubova@front.ru*

В работе рассматривается вопрос о месте и роли депутатов-казаков в работе Государственной думы имперской России. Автором исследованы организационные формы их депутатской деятельности, участие в законодательной работе Думы всех четырех созывов. Раскрывается социокультурный портрет казачьего депутата Государственной думы, проанализированы итоги думских выборов в казачьих регионах России, дано объяснение успеха либеральных политических партий на выборах среди казачества.

Ключевые слова: Государственная дума, казачество, Россия в начале XX века.

---

**Парламентская деятельность российского казачества в начале XX века**

---

Развитие казачьего движения в современной России усиливает интерес к истории казачества, в частности, к его роли в строительстве российской государственности в начале XX в. Исследования последних лет<sup>1</sup> позволили приоткрыть малоизученную страницу истории, связанную с активным участием казаков в становлении российского парламентаризма, когда самодержавие вынуждено было пойти на созыв Государственной думы, обозначив начало движения России к гражданскому обществу.

Целью данной работы является рассмотрение вопроса о месте и роли депутатов-казаков в работе Государственной думы России четырех созывов, определение организационных форм их депутатской деятельности, участия в законодательной работе парламента.

Всего в российские Думы в 1906–1912 гг. было избрано 85 депутатов-казаков: 25 человек — в I, 27 — во II, 18 — в III и, наконец, 15 — в IV. Так как некоторые из депутатов избирались несколько раз, то это количество уменьшается до 69 человек. Видные казачьи общественные деятели демократической ориентации — дончанин В.А. Харламов и кубанский казак К.Л. Бардиж — являлись депутатами Думы всех четырех созывов.

По отношению к казачеству, разделенному на 11 войск, весьма негативно проявилась вся сложность и запутанность смешанной системы выборов в Думу. Донское, астраханское и оренбургское казачества трактовались основным избирательным законом как обычные губернии Российской империи и таким образом депутаты от этих областей избирались по общему Положению о выборах в Государственную думу от территорий (то есть по избирательным куриям). Депутаты от остальных восьми казачьих регионов избирались по особым правилам и представляли непосредственно казачьи войска.

Из 85 депутатов-казаков 71 человека делегировали казачьи регионы (в I Думу — 21 человека, во II — 20, в III — 16, в IV — 14)<sup>2</sup>. Наибольшее количество своих представителей в Думе имело донское казачество — 34 депутата, кубанцев

представляли 9 депутатов, оренбуржцев — 7, терское казачество делегировало 5 депутатов, астраханское и уральское — по 4 депутата, забайкальское — 3, сибирское — 2, амурское и уссурийское — 2, семиреченское — одного депутата-казака.

14 казаков были избраны депутатами от неказачьих губерний России. Хотя в Думе они идентифицировали себя как казаки, но в казачьи фракции и группы (за редким исключением) не входили, были далеки от отстаивания интересов казачества, предпочитая объединения по партийному признаку.

По возрастным группам больше всего в Российском парламенте было казаков, которым на момент избрания в Думу исполнилось от 30 до 40 лет (в среднем по Думам разных созывов около 40 %). Самому молодому казаку, ставшему депутатом, исполнилось 26 лет, самому старшему — 58 лет. Это в среднем сопоставимо с данными по Думам в целом.

Довольно высоким был образовательный уровень депутатов-казаков. Из 69 человек высшее и среднее образование имели 39 казаков (соответственно 21 и 18 человек), то есть больше половины (56,5%) от общего числа депутатов-казаков. Среди имевших высшее образование больше всего было выпускников университетов (85,7%), прежде всего Московского. При сравнении по отдельным Думам образовательный уровень депутатов-казаков сходен с данными по Думе в целом.

По роду занятий юристов было 15, 14 депутатов являлись казачьими атаманами разных уровней, 11 депутатов были заняты в сельском хозяйстве. Среди депутатов-казаков было также 3 врачей, 5 учителей, 5 служащих, 4 журналиста, 3 городских гласных, членов городских управ, 2 статиста, по одному инженеру, агроному, бухгалтеру, рыбопромышленнику и священнику.

Значительное число казачьих депутатов было по своему профессиональному уровню вполне подготовлено к законотворческой деятельности, где востребованными были юридическая подготовленность и компетентность, ораторские способности, четкая позиция и умение ее отстаивать. Многие депутаты-казаки занимали активную гражданскую позицию, помимо думской работы участвовали в различных научно-просветительских обществах, были видными общественными деятелями.

По своим политическим убеждениям большинство депутатов-казаков вопреки надеждам властей (официальные власти, правительство, особенно в первое думское время, считали казачество монархически настроенной, консервативной частью российского народа) тяготело к левому центру. Показателен тот факт, что, выбирая желательное место в зале заседания Думы, большинство казаков в анкетах указывали — между партией народной свободы и национальными группами (Польским колом, мусульманской фракцией)<sup>3</sup>. Из 85 думцев-казаков 73 человека (85,8 %) входили в оппозиционные правительству фракции и объединения. Среди депутатов были: по одному социал-демократу, эсеру и энесу, 11 трудовиков, 35 кадетов, 2 члена партии демократических реформ, 8 прогрессистов, 7 мирнообновленцев, 7 октябристов. Остальные 12 депутатов распределились так: 4 беспартийных, 3 умеренно-правых, 5 монархистов<sup>4</sup>.

Весьма показательным является тот факт, что кадеты от общего числа составляли 41,4 %. Популярность либералов среди казачества на выборах в Думу

интерпретировалась по-разному. Сами либералы считали успех кадетов возможным благодаря пробуждению у казаков «старинного духа свободы»<sup>5</sup>. Консерваторы, казачья администрация утверждали, что кадетские думцы-казаки не выражают интересы всего казачьего населения, называли их «ложными казаками», казачьей интеллигенцией, зараженной оппозиционностью правительству<sup>6</sup>.

На наш взгляд, успех кадетов на выборах в Думу среди казачества можно объяснить рядом факторов. Хотя большая часть казачества в думский период воспринимала кадетов как выразителей казачьих интересов, это не означало, что казаки разбирались в тонкостях кадетской программы. Они были больше заинтересованы в решении своих собственных проблем и в конечном итоге отдавали предпочтение представителям тех политических сил, которые обещали отстаивать в первую очередь интересы казачества. По существу, местные кадеты были той политической силой, которая выражала и отстаивала казачьи чаяния. Именно региональные кадеты (в отличие от общероссийских) смогли сформулировать не только общедемократические, но и сословные требования, дополнили общепартийные документы специальными требованиями, нацеленными на удовлетворение потребностей казачества, сохранение их самобытности. Следует выделить еще одну причину успеха кадетов на выборах в парламент — среди либералов были представители казачьей интеллигенции, которые пользовались большим авторитетом и популярностью среди казаков, были великолепными ораторами. Кадетское влияние было распространено в среде средних предпринимательских кругов казачества и в среде интеллигенции.

Выявляя политическую окраску казаков в парламенте, мы за основу брали их политическую принадлежность в момент начала работы Дум без учета дальнейшей эволюции политических взглядов части казаков. Характерной чертой поведения депутатов-казаков в Государственной думе была высокая мобильность части казаков, передвижение вправо и влево, вплоть до изменения партийной принадлежности. Следует отметить, что процессы партийного расслоения, внутренние миграции были присущи для Российского парламента в целом и шли непрерывно, так как это время было началом конституционного периода, когда политически не искушенные депутаты не имели достаточного практического опыта парламентаризма.

Таким образом, представить себе политические ориентации отдельных депутатов-казаков, как и политическое настроение всего казачества чем-то статичным или имеющим заранее заданную доминанту, невозможно. Эластичность политического сознания казачьих депутатов также была требованием времени. Когда самодержавие показывало неспособность к адекватной оценке происходящих событий, политическое сознание всех, а тем более парламентариев не могло быть неизменным.

Во внутридумской деятельности значительную роль играли фракции и группы депутатов, создаваемые по партийному, территориальному или конфессиональному признакам. Нередко депутаты входили одновременно в разные фракции. Значительной среди них была и казачья фракция, в которой было собрано большинство депутатов-казаков, избранных и работавших в Думе.

Казачья фракция российского парламента отличалась от других фракций и

групп как по своим целям и задачам, так и по составу. В основу ее создания был положен сословно-территориальный принцип. Именно сословно-региональные проблемы стали тем стержнем, вокруг которого происходило объединение казачества в единое общественно-политическое движение в стенах российского парламента и в стране в целом. История создания и функционирования казачьей фракции интересна тем, что позволяет проследить процесс зарождения и формирования политической культуры казачества в русле общероссийской парламентской традиции.

Идея создания казачьей фракции возникла почти сразу в I Думе, но для этого потребовалось некоторое время. В I Государственной думе большинство казаков были представителями оппозиционных фракций: 9 депутатов-казаков записались во фракцию Партии народной свободы, 8 вошли в образовавшуюся в ходе работы Думы фракцию мирного обновления, 5 казаков стали членами трудовой группы, 3 казака остались беспартийными<sup>7</sup>. В ходе работы Думы произошел сдвиг политических настроений казачьих депутатов. Два казака-кадета, один беспартийный<sup>8</sup> и даже один мирнообновленец параллельно работали в составе трудовой группы<sup>8</sup>. Кроме того, восемь казаков (4 донца, 3 оренбуржца и астраханец) посещали заседания союза автономистов<sup>9</sup>.

С началом работы I Думы оренбургский казак С.С. Выдрин фактически первым попытался собрать всех депутатов-казаков вместе. Он составил вариант проекта казачьей программы и предложил обсудить его не только внутри Думы, но и разослать по казачьим областям<sup>10</sup>. К обсуждению проекта программы присоединились донские казаки-мирнообновленцы. Совместно с Выдриным они составили проект казачьей программы весьма умеренного характера. Показателен тот факт, что военный министр неоднократно встречался с его составителями и одобрил этот проект<sup>11</sup>. Левые казаки-депутаты, либералы, которые имели численный перевес среди казаков-парламентариев, не одобрили этот вариант программы, обвиняли донских мирнообновленцев в измене интересам казачества.

Представители донского казачества с началом работы I Думы объединились в областную внепартийную группировку<sup>12</sup>. Но просуществовав всего месяц, это объединение распалось, так как проявились существенные различия в политических взглядах ее членов.

Таким образом, из-за отсутствия единой программы у депутатов-казаков, несогласованности действий, разногласий по политическим вопросам, кратковременности работы Думы организационно оформленной самостоятельной казачьей фракции в I Думе не было. Поэтому, не выступая с самостоятельными предложениями, казаки, как правило, поддерживали законопроекты левого крыла Думы, в основном кадетов.

После разгона I Думы 8 депутатов-казаков приняли участие в Выборгском собрании и подписали «Выборгское воззвание» (4 кадета, 3 трудовика и 1 беспартийный)<sup>13</sup>. Но привлечено по суду было 7, так как дончанин В.А. Харламов отсутствовал в Выборге и прислал свою подпись по телефону<sup>14</sup>.

Казачья фракция оформилась и начала функционировать в дни работы II Государственной думы. Вначале она получила название «Общая казачья фракция

думской оппозиции», впоследствии оно было сокращено и упрощено до «Думской казачьей фракции»<sup>15</sup>. На практике фракция получила общеупотребительное название — «Казачья группа».

Она представляла собой фракционную казачью структуру без учета партийной принадлежности. Ее председателем был избран кубанец Ф.А. Щербина, секретарем — А.И. Петровский и товарищем секретаря — М.П. Араканцев (оба дончане)<sup>16</sup>.

Было составлено документальное обоснование создания фракции из четырех тезисов. Суть их состояла в следующем: повысить политическое сознание казачества, упрочить авторитет каждого казачьего депутата, очистить репутацию казаков, которая пострадала из-за той негативной роли, которую сыграло казачество в освободительном движении; установить прочную связь между казачьими избирателями и простым казачьим народом<sup>17</sup>.

Казачья фракция предложила, чтобы ее представителю было отведено место в президиуме Думы, и В.А. Харламов был избран помощником секретаря Думы.

При фракции было образовано несколько комиссий для выработки проекта программы, устава, для рассмотрения законопроектов, касающихся как общероссийских, так и специфических казачьих вопросов. Был выработан проект программы, состоящей из двух частей: общеполитической, сходной в общем с политической программой кадетов, и специально казачьей части.

Общая часть программы содержала следующие требования:

1. Россия — конституционная монархия. Законодательная власть осуществляется монархом в единстве с Государственной думой. Дума — высшее законодательное учреждение, без ее одобрения никакой указ не может иметь силу закона.
2. Отмена всех чрезвычайных мер: военно-полевых судов, смертной казни.
3. Широкое городское, земское и общинное самоуправление.
4. В вопросе рабочего законодательства — 8-часовой рабочий день.
5. В правовой области — введение независимого суда<sup>18</sup>.

Хотя официально в составе казачьей фракции было зарегистрировано 17 депутатов<sup>19</sup>, представителей только казачьих войск, но реально на практике к ним добавилось еще 3 (забайкальский и семиреченский представители прибыли к открытию Думы с опозданием, один одновременно входил и во фракцию трудовиков). Интересен тот факт, что донской крестьянин А.Г. Афанасьев, не являясь казаком, официально зарегистрировался в казачью фракцию.

Цель создаваемой фракции была в предварительном обсуждении вопросов, стоящих на повестке Думы, в подготовке ораторов, согласовании позиций депутатов-казаков, составлении запросов о незаконных действиях властей, в составлении самостоятельных законопроектов. То есть перед фракцией стояли чисто координационные задачи. Кроме того, намечался и широкий план агитационно-разъяснительной деятельности: объезды казачьих местностей депутатами с целью ознакомления населения с работой Думы, издание отчетов о думской деятельности и пр.

Однако фракция просуществовала недолго (два месяца), среди казаков сразу стали проявляться разногласия в подходах к решению программных и практических вопросов. Состоялось около 20 заседаний фракции (12 из них было

запротоколировано), и в конце апреля 1907 г. она распалась, донские депутаты вышли из ее состава<sup>20</sup>. Раскол произошел в силу ряда неблагоприятных факторов. Сказались разногласия по политическим мотивам. Поэтому с самого начала образования фракция состояла из двух лагерей: консервативного и либерального. Казаки-либералы не хотели ограничиваться только лишь исключительно казачьими требованиями, доказывали необходимость защиты интересов в Думе всего русского народа, то есть пытались связать интересы казачества с общероссийскими проблемами. Другие, более умеренные члены казачьей группы выступали против существования общеполитической части в программе фракции, требовали программу, полностью посвященную рассмотрению казачьих вопросов.

Попытка связать интересы казачества с общими вопросами политики Российской империи, не обращая внимания на сепаративность казачьего движения в силу его территориальной разбросанности и особенностей различных войск, являлась основной тактической ошибкой членов казачьей фракции.

Проявились разногласия и при обсуждении устава фракции. Так как казачество было разделено на 11 войск, фракции было трудно определить тактику своих действий. Донской казак А.И. Петровский предложил проект устава, по которому большинство членов фракции могло определять политику всей группы<sup>21</sup>. А поскольку большинство членов были депутатами от Дона, они получили бы господствующее положение, определенное уставом. В результате донские казаки могли бы контролировать ситуацию и голосовать блоком. Таким положением были недовольны остальные члены фракции, они выступили против доминирующего положения донцов в составе фракции.

Распад фракции произошел также из-за несогласованности в действиях депутатов-казаков, наличия групповых интересов, отсутствия единого лидера, бескомпромиссности, отсутствия опыта парламентской работы.

В результате распада казачьей фракции часть казаков создала территориальные внепартийные группировки (так называемые «областничества»). Так, депутаты-казаки от ОВД образовали совместно с другими депутатами-дончанами свою «донскую группу» депутатов во главе с В.А. Харламовым<sup>22</sup>. По инициативе сибирского депутата-казака И.П. Лаптева была создана внепартийная «сибирская группа», куда вошли депутаты от Сибири независимо от политических взглядов<sup>23</sup>. Таким образом, не имея возможности объединиться по сословному признаку, часть депутатов предпочла территориальные группировки для отстаивания своих местных интересов.

Восемнадцать депутатов-казаков, избранных в III Думу, предлагали разные варианты создания особой казачьей фракции. Часть депутатов высказалась за образование казачьей фракции, состоящей из казачьих депутатов, то есть казаков, избранных только от казачьей курии. Некоторые казаки высказывали мысль создать очень узкую группу депутатов, состоящую из казаков, являющихся не только казаками по происхождению, но и по званию, то есть строевых казаков. Другие предлагали образовать более широкую казачью группировку. В результате после бурных дискуссий конституировалась «группа представителей казачьих областей», которая

включала в себя не только казаков, но и других представителей от казачьих областей (так называемых «иногородних») <sup>24</sup>. Последние не имели права решающего голоса только в вопросах, касающихся исключительно казачьих интересов. Группа состояла из 30 членов, из них 16 были казаками. По политическим убеждениям казачьи представители группы распределились следующим образом: 1 социал-демократ, 5 кадетов, 2 прогрессиста, 3 националиста, 1 правый (партийный состав иногородних — 11 кадетов, 9 прогрессистов, 4 октябриста, 3 правых, 2 социал-демократа, 1 член партии Союза русского народа) <sup>25</sup>. Председателем группы был избран кубанец К.Л. Бардиж, секретарем — дончанин М.С. Воронков <sup>26</sup>, был образован также ряд комиссий, координационный совет.

Объединившиеся представители казачьих областей, учитывая изменение условий представительства казачьих депутатов после третьенеоньского избирательного закона (произошло сокращение максимальной квоты для представителей казачьего населения России) и трудности создания казачьей фракции во II Думе, решили не выработать казачью программу общего политического характера. На этот раз была выработана программа, затрагивающая местные интересы казачьих областей, особенно специфические казачьи.

Казаки-депутаты в III Государственной думе сфокусировали внимание в парламентской работе на чисто практических целях в духе демократических реформ: 1) критике законопроектов, представленных правительством в Думу, и внесении в них необходимых поправок в интересах населения казачьих областей; 2) внесении самостоятельных законопроектов местного значения для представляемых областей <sup>27</sup>.

Казачья внепартийная группа в IV Государственной думе была официально зарегистрирована и состояла из 15 человек — казаков из основных казачьих регионов <sup>28</sup>.

Возглавлял фракцию на этот раз донской казак, депутат всех четырех созывов В.А. Харламов <sup>29</sup>.

Партийный состав казачьей группы в IV Думе был более однородным: 6 человек одновременно входили во фракцию прогрессистов, 9 были членами фракции кадетов <sup>30</sup>. Таким образом, все члены казачьей группы тяготели к либералам.

Редакционная комиссия группы выработала программу, защищающую интересы казачества. В ее основу был положен «Терский наказ войсковому депутату» <sup>31</sup>. Программа состояла из 15 разделов и касалась важнейших для казачества вопросов: земли, самоуправления, воинской службы, образования <sup>32</sup>.

Депутаты-казаки от Области войска Донского одновременно работали в «донской группе депутатов и членов Государственного совета» под председательством члена Государственного совета, донца В.И. Денисова <sup>33</sup>.

Пять депутатов-казаков параллельно примкнули к «думской группе депутатов-крестьян», состоящей из 30 человек. М.А. Караулов даже вошел в исполнительное бюро группы <sup>34</sup>. Своей целью эта внепартийная группировка видела разработку и проведение через Думу специально крестьянских и казачьих законов, отстаивание интересов сельского населения (крестьянского и казачьего). Был принят устав



группы, по которому полноправными членами этой группировки могли стать только депутаты, избранные по крестьянской и казачьей куриям<sup>35</sup>. Депутаты — казаки по происхождению, но прошедшие в Думу по другим куриям, могли допускаться на собрания без права решающего голоса и по особому постановлению группы.

Таким образом, малочисленность казачьей фракции в Государственных думах не позволила ей занимать обособленную самостоятельную позицию и вынуждала идти на контакт и союзничество с другими парламентскими объединениями. Можно зафиксировать у казаков четкую позицию в выборе партнеров и степени возможного компромисса.

Деятельность казачьих депутатов может быть охарактеризована, с одной стороны, выступлениями депутатов в общем собрании Думы в качестве докладчиков или ораторов, с другой, — участием их в думских комиссиях. Обозначенные два критерия отчасти дополняют друг друга, так как выступления в общем собрании и участие в комиссиях не всегда пропорционально, участие в большом числе комиссий далеко не во всех случаях сопровождалось частыми выступлениями с трибуны Государственной думы и наоборот.

Нами проанализирована работа казаков в комиссиях II—III Дум и первых двух сессий IV Думы, то есть в 1907—1914 гг., так как опубликованных материалов о деятельности комиссий Думы I созыва и 3—5 сессий IV Думы нет. В наиболее значимых для казачества комиссиях (по местному управлению и самоуправлению, аграрной, народному образованию, по вероисповедным делам и пр.) постоянно работали представители казачьей фракции.

Характеризуя работу депутатов-казаков в Государственных думах четырех созывов, изучив стенографические отчеты Дум, материалы заседаний казачьей фракции, можно сделать вывод о широком поле деятельности казаков. Они выступали в качестве ораторов или докладчиков на общих собраниях Думы, следили за общим ходом думских дел, знакомились с материалами, вносимыми в Думу различными ведомствами, принимали участие в их обсуждении в комиссиях и подкомиссиях.

Основным средством выражения требований были запросы в адрес министров или главнокомандующих отдельными властными структурами, подконтрольными Правительствующему Сенату<sup>36</sup>.

Среди вопросов, обсуждавшихся в I Государственной думе, наиболее важными для казаков были проблемы политико-правового положения казачества как военного сословия в составе Российской империи, его роли в происходивших событиях, земельный вопрос. Правые депутаты, правительство стояли за сохранение сословной обособленности казаков, их привилегий, за неприкосновенность казачьего быта. Либералы требовали «раскрепощения» казачества. Они выступали за облегчение материального положения казаков, тяжести воинской повинности и за переход от централизованного бюрократического правления к «свободной демократии» на основе самоуправления казачьих областей. В то же время они выступали за сохранение казачества как самостоятельной этносословной общности.

Депутатами-казаками был поднят вопрос о неправомерности использования



казаков для исполнения ими полицейских функций. Причиной этому послужили действия правительства, выразившиеся в намерении использовать казачьи воинские подразделения для борьбы с внутренними врагами государства. В запросе Военному министерству от 2 июня 1906 г. «О призыве к воинской службе внутри Империи казачьих полков 2-й и 3-й очередей» подписавшие его 48 депутатов считали действия Министерства неправомерными, указывали на незаконность передачи этих полков Министерству внутренних дел и фактическое превращение их в полицейские подразделения. Обсуждение запроса проходило бурно. В дискуссии приняли участие 14 казачьих депутатов. Большинство из них доказывали, что использование казаков для нужд Министерства внутренних дел ухудшает их экономическое положение, разоряет казачьи хозяйства<sup>37</sup>. Казачьи депутаты из фракций кадетов и трудовиков предлагали вообще отменить приказ о мобилизации казачьих полков. Более умеренные депутаты-казаки, ссылаясь на некомпетентность Думы в военных вопросах, предлагали запрос снять. Они считали, что он не отражает мнения большинства казачества. Однако в результате обсуждения Дума приняла запрос о мобилизации единогласно<sup>38</sup>.

Политическое значение этого запроса было весьма велико. Впервые с трибуны Государственной думы представители казачества попытались дистанцироваться от действий правительства, не желая выполнять карательные функции. И хотя Дума не смогла добиться отмены закона, дальнейшая мобилизация казаков для несения внутренней службы была приостановлена.

Одним из центральных в I Думе был аграрный вопрос. Со своими законопроектами выступили конституционные демократы и трудовики. При обсуждении их предложений возник вопрос и о казачьем землевладении. Крайне правые депутаты, защищая неприкосновенность помещичьих земель, не возражали против идеи наделения земель малоимущих крестьян внутренних губерний за счет земельного фонда, в который бы вошли и казачьи земли<sup>39</sup>. Крайне левые депутаты эсеровского толка также выступали за то, чтобы казачьи войсковые и надельные земли вошли в общий земельный передел.

В созданной Думой аграрной комиссии вопрос о землепользовании в казачьих регионах был выделен в особую категорию и обсуждался в специальной подкомиссии. При обмене мнениями членов подкомиссии под председательством кадета М.Я. Герценштейна, а затем и в самой аграрной комиссии было высказано мнение, что в интересах проведения в стране аграрной реформы нежелательно восстанавливать против нее многочисленных земледельцев-казаков. Поэтому надельные (юртовые) казачьи земли нужно оставить неприкосновенными и под принудительное отчуждение их не подводить<sup>40</sup>. Речь может идти только о частновладельческих казачьих землях и землях войскового запаса.

Но даже такое компромиссное решение не нашло поддержки среди казачьего населения, которое считало все земли казачьего войска собственностью казаков. Корпоративные интересы в казачьей среде были еще очень сильны. Проект частичного отчуждения казачьей земельной собственности вызвал резкое неприятие казачества.

Аграрный вопрос в I Думе не был решен, так как она была досрочно распущена. Несмотря на роспуск Думы, ее политическое значение было велико: впервые страна получила возможность открыто и широко обсуждать назревшие политические проблемы, а казачество публично заявить о своих нуждах и поколебать сформировавшийся в общественном мнении образ «казака-нагаечника». Донской писатель и общественный деятель, депутат I Думы Ф.Д. Крюков писал: «Вопросы о казаках, вынесенные на обсуждение в I Государственной думе, сыграли в жизни казачества довольно заметную роль, они способствовали пробуждению и оживлению казачьей мысли, выражению общественного казачьего мнения»<sup>41</sup>.

Казачьи вопросы во II Государственной думе специально не рассматривались. Но казачья фракция до своего раскола самостоятельно выработала и внесла в Думу три весьма важных законопроекта (за 30 подписями: 1) об уменьшении срока действительной службы в казачьих войсках; 2) об изменении порядка призыва на действительную службу; 3) о временных правилах избрания мировых судей в казачьих областях.

Первый законопроект предусматривал уменьшение сроков службы казаков и облегчение материальных затрат казачьей семьи.

Второй законопроект, в случае его прохождения в Думе, должен был запретить мобилизацию казаков 2-й и 3-й очереди для несения ими внутренней службы и выполнения полицейских функций. Оба законопроекта должны были быть переданы в военную комиссию для дальнейшего прохождения в Думе, однако этого не произошло. Императорское правительство не считало для себя интересы казачества приоритетным делом.

Третий законопроект, основной смысл которого заключался в расширении состава избирателей при выборах мировых судей в казачьих областях, переданный в комиссию о местном судопроизводстве, также остался нерассмотренным, так как 3 июня 1907 г. II Дума была распущена.

Важной инициативой уже казачьей группы во главе с В.А. Харламовым был законопроект, предусматривавший расширение прав казачьего самоуправления<sup>42</sup>. По мысли авторов законопроекта, управление казачьими войсками должно было состоять из органов правительственной власти и органов самоуправления на местах. Представителем высшей административной власти являлся войсковой атаман, стоящий во главе каждого казачьего войска. Он избирался казачьим населением и утверждался царем. В его функции входил контроль за деятельностью органов самоуправления. Высшим органом местного самоуправления должен был быть Войсковой круг (рада, сбор, съезд), избираемый от всего войска на три года на основании всеобщего избирательного права. В компетенцию круга должны были входить общие порядки по казачьему землевладению и землепользованию, а также все хозяйственные дела, связанные с отбыванием казачьей воинской повинности. Исполнительным органом круга должно было стать, по проекту, избираемое им Войсковое правление.

В программе казачьей группы рассматривался и земельный вопрос. Депутаты-казаки настаивали на том, чтобы земельным фондом в казачьих областях могли распоряжаться только казачьи органы самоуправления, а общинные земли,

переданные ранее в качестве наград различным гражданским и военным чиновникам, должны быть возвращены станицам путем принудительного отчуждения у прежних владельцев.

В III и IV Государственных думах казачьи депутаты единодушно добивались либерализации милитаристского, военно-бюрократического управления казачьими войсками, главные требования казачьей группы в III и IV Думах были сформулированы следующим образом: 1) немедленное введение в казачьих областях широкого местного самоуправления на выборных началах; 2) выделение из ведения военного управления гражданских, культурных и экономических вопросов казачьей жизни с передачей их органам местного самоуправления; 3) изъятие из органов гражданского управления из ведения Военного министерства<sup>43</sup>.

Казачьи думы настаивали на ограничении монополии Военного министерства при рассмотрении казачьих дел, требовали рассредоточить их между различными ведомствами. В 1910 г. под влиянием критики депутатов-казаков Главное управление казачьих войск было расформировано, а вместо него в составе Главного штаба был учрежден Отдел управления казачьими войсками, заведовавший преимущественно гражданским управлением<sup>44</sup>. Но по существу, от перераспределения дел между различными учреждениями Министерства ничего не изменилось.

Казачьи депутаты в III и IV Думах ставили на повестку дня еще один злободневный вопрос, касавшийся казачества, — вопрос о местных войсковых капиталах. Казачьи депутаты считали войсковой капитал достоянием казачьих войск, приравнивая его к земским капиталам. Военное же министерство, привыкшее самостоятельно распоряжаться местными капиталами казачьих войск, пыталось рассматривать его как собственность государства.

Казачьи думы были весьма активны в решении еще одного наиболее важного для казачества вопроса — о самоуправлении. Большинство казачьих депутатов в III и IV Думах требовало введения какой-либо формы казачьего самоуправления в казачьих войсках, чтобы ограничить произвол власти Военного министерства.

В III Думу 17 декабря 1908 г. было внесено на обсуждение казачьей группой законодательное предложение об устройстве местного самоуправления в казачьих войсках, включая собрание круга или рады, выбираемого всем совершеннолетним мужским населением казачьих войск<sup>45</sup>. Этот вариант проекта о введении самоуправления был более сдержанным, чем подобный проект, внесенный во II Думу. По законопроекту, атаману предписывалось осуществлять надзор за правозаконностью действий выбранных властей и за действиями станичной администрации<sup>46</sup>. По новому проекту учреждалось также выборное окружное собрание, которое выбирало администрацию своего округа.

Законопроект казачьей группы в целом получил одобрение комиссии по местному самоуправлению. За обсуждением проекта следило командование Главного управления казачьих войск, оно потребовало принятия законопроекта только при условии сохранения полного контроля Военного министерства за военной службой казачества. В ответ на это сторонники законопроекта выдвинули встречное условие о том, чтобы действительная служба казачества оплачивалась из войсковых фондов,

а не самими казаками. Военное министерство не могло согласиться ни с этим условием, ни с введением казачьего самоуправления в принципе. Военное министерство в противовес разработало свою программу реформ по вопросам управления казачеством. Представленный законопроект Военного министерства выхолащивал полностью идею земства.

В III Думе этот вопрос не был решен, и хотя с некоторыми редакционными изменениями и поправками проект был внесен на рассмотрение IV Думы, проблема осталась нерешенной. Основной причиной этого была недостаточная поддержка либералов и враждебность консерваторов. Большинство думских депутатов были настроены на расширение местного самоуправления, но это не означало, что они были согласны на предоставление особых привилегий казачеству. Члены Думы были враждебно настроены к требованию казачества установить у них демократическое управление.

Таким образом, предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

Казачьи депутаты были весьма активны в решении еще одного наиболее злободневного и важного для казачества вопроса о земстве. В III Думе деятельность по введению земства в те части империи, где они не были введены в 1860 г., была плодотворной. Либерально настроенные депутаты, несмотря на сопротивление консерваторов в Государственном совете, активно поддерживали эту тенденцию. За исключением казачества, в Астраханской и Оренбургской губерниях было принято земство обычной модели в течение нескольких лет. То, что в земства не вошли казаки, удовлетворяло неказачье население этих областей, которое в течение многих лет хотело земство, но всегда считало, что включение в него казачества должно произойти только при условии введения модифицированной формы земства.

В 1912 г. Дума приняла законопроект о введении земства на территориях Азиатской России, включая Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска<sup>47</sup>. Он предусматривал включение в земства казачьих представительств. Но этот законопроект был отклонен Государственным советом. Предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

Большинство депутатов Государственной думы (особенно 3 и 4 созывов) выступало за сохранение сословной замкнутости казачества как служилого сословия. Казачьих же депутатов-либералов, особенно донских, выдвигавших проекты земства, мирного размежевания, сотрудничества и сожительства казаков и других сословий и национальностей, правые называли «интеллигентской слякотью». Казаки, защищающие самодержавие, были наиболее понятны правым депутатам Дум. Почти ни одна из реформ, предложенных донскими казачьими депутатами, не была принята Государственной думой, а то, что прошло через Думу, застряло безнадежно в Государственном Совете. Донское казачество продолжало оставаться под управлением военно-бюрократической машины Российской империи.

Проанализировав деятельность в Государственной думе донских казаков-

депутатов, можно сделать следующие выводы. Казачья фракция была немногочисленна, ее представители обладали небольшим опытом политической деятельности. Сам факт формирования в Думе отдельной казачьей фракции, несмотря на все проблемы, стоящие перед ней, свидетельствовал о наличии большого числа общих проблем, волновавших казачество.

<sup>1</sup> Казачество в истории России. Тезисы докладов международной научной конференции. Краснодар, 1993; Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений и выступлений на международной научной конференции. Ростов н/Д, 1995; Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996 и др.; *Футуриянский Л.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998; *Дулимов Е.И.* Казачество в системе политико-правовых отношений России // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 1997. Т. 6.

<sup>2</sup> *Боювич М.М.* Члены I Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв I–IV. М., 1906–1912; и др.

<sup>3</sup> Государственная дума. III созыв. 2 сессия. Справочник. 1909. СПб., 1909. Вып. 1.; Государственная дума. IV созыв. 1 сессия. Справочник. 1913. СПб., 1913. Вып. 6.

<sup>4</sup> Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906. Сессия I. СПб., 1907; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. СПб., 1907; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913. СПб., 1913.

<sup>5</sup> *Крюков Ф.Д.* О казаках // Русское богатство. 1907. № 4. С. 27; *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906. С. 97.

<sup>6</sup> ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 682. ЛЛ. 1, 9.

<sup>7</sup> Государственная дума. Первый созыв. Указатель к стенографическим отчетам. 1906. Сессия I. СПб., 1907.

<sup>8</sup> Состав трудовой группы в I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1988.

<sup>9</sup> *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Белград, 1924. С. 496.

<sup>10</sup> *Арефин С.Я.* Казаки-депутаты в Думе // Донская жизнь. 1906. 1–2 июля.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> *Крюков Ф.Д.* Встреча // Русское богатство. 1906. Ноябрь. С. 191.

<sup>13</sup> Выборгский процесс. Стенографический отчет с автобиографиями подсудимых. СПб., 1908.

<sup>14</sup> *Бородин Н.А.* В Выборге 9–11 июня 1906 // Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 242.

<sup>15</sup> *Петровский А.И.* Донские депутаты во II Государственной думе. СПб., 1907. С. 123.

<sup>16</sup> Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв.

1907. СПб., 1907. С. 32.

<sup>17</sup> *Петровский А.И.* Указ. соч. С. 123–124.

<sup>18</sup> Там же. С. 112–114.

<sup>19</sup> Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв.

1907. СПб., 1907. С. 32; Речь. 1907. 4 марта.

<sup>20</sup> *Петровский А.И.* Указ. соч. С. 114.

<sup>21</sup> Там же. С. 126.

<sup>22</sup> *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Белград, 1924. С. 523.

<sup>23</sup> *Лаптев И.П.* Письма казачьего депутата // Степное эхо. 1907. 29 марта; Вестник партии народной свободы. 1907. 22 марта.

<sup>24</sup> Речь. 1907. 20 ноября; Государственная дума. Приложение к газете «Речь». 22 ноября.

<sup>25</sup> *Захарьев Н.А.* Заметки о Думе и депутатах // Донская жизнь. 1907. 4 декабря.

<sup>26</sup> Приложение к газете «Речь». 22 ноября.

<sup>27</sup> *Захарьев Н.А.* Указ. соч.

<sup>28</sup> Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1913. С. 188.

<sup>29</sup> Там же. С. 188.

<sup>30</sup> Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913. СПб., 1913.

<sup>31</sup> *Караулов М.А.* Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 23 ноября.

<sup>32</sup> Донская жизнь. 1912. 20 декабря.

<sup>33</sup> Донская жизнь. 1913. 27 февраля.

<sup>34</sup> *Караулов М.А.* Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 30 ноября, 19 декабря.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> *Дулимов Е.И.* Казачьи организации и их представители в Государственной думе 1906–1914 // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 1998. Т. 8. С. 50–51.

<sup>37</sup> В.А. Харламов — казачий депутат Государственной думы (1906–1917). СПб., 1995. С. 8–11.

<sup>38</sup> Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. II. С. 1307–1334.

<sup>39</sup> *Сватиков С.Г.* Указ. соч. С. 506.

<sup>40</sup> *Бородин Н.* Земельный вопрос на Дону // Русская мысль. 1907. № 7. С. 116.

<sup>41</sup> *Крюков Ф.Д.* О казаках // Русское богатство. 1907. № 4. С. 27.

<sup>42</sup> Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. II. Стб. 1166–1167, 1359.

<sup>43</sup> Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 1663–1664.

<sup>44</sup> *Харламов В.А.* Казачий депутат Государственной думы (1905–1907). М.,

1995. С. 34–35.

<sup>45</sup> Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Стб. 1308.

<sup>46</sup> Там же.

<sup>47</sup> Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. 3. Стб. 1330.